

Иван Гобзев

X-человек

ЧАСТЬ I. ИЗГНАНИЕ

Давно известно, что человек сам больше всех страдает от того зла, которое делает другим. Разрушение — это в первую очередь саморазрушение. Но остановиться он не может. Без помощи извне. Люди по своей природе не хорошие и не плохие, по своей биологической природе мы — животные. И от этого было немало несчастий, войн, насилия, всевозможного зла. Почти каждый человек может превратиться в определенных условиях в злодея. Кто-то с большей вероятностью, кто-то с меньшей. Кому-то достаточно для этого увидеть красивую женщину, кому-то выпить бутылку вина, а кто-то просто делает это своим осознанным выбором.

А модель-XXX стала буддой.

Я же познакомился с ней так. После работы, как обычно, я зашел в бар. Это мне разрешено — я могу немного выпить и имею право на интимное общение с роботами. Большого мне и не хочется — встроенная блокировка включает кодирование нужных белков, запускается регулировка уровня гормонов и нейромедиаторов, которые в итоге убивают всякий интерес к тому, что мне вредно.

И вот я зашел в бар и, как обычно, говорю бирмастеру:

— Мне эль, тот самый!

Бар, как всегда, полупустой. Людей мало, но есть роботы, с ними можно поболтать, даже выпить, ну или еще кое-что.

Набор доступных мне для обсуждения тем ограничен. Если я начинаю волноваться, если у меня идет реакция и возбуждение, то включается блокировка, и я успокаиваюсь, и больше не хочу говорить о том, что меня взволновало.

Это все для моего блага, так у всех. Поэтому больше не существует возможности для антисоциального поведения. Каждому встроена блокировка, в зависимости от устройства мозга и генетической пред-

расположенности. Конечно, в пятилетнем возрасте еще не все ясно, и корректировка продолжается до двадцати пяти-тридцати (а в некоторых, особенно сложных случаях и всю жизнь).

Бывали случаи, что блокировка слетала. Один человек, я знал его, получил сильное сотрясение мозга. И никому об этом не сказал. А был он до этого случая приятнейшим человеком. Отзывчивым, добрым и на все руки мастером. Он как-то помогал мне мастерить мини-дирижабль. Все постоянно видели его с дочерью — он повсюду ходил с ней, и мы нарадоваться не могли их нежной дружбе. Помню, как часами он играл в прятки и догонялки с детьми в парке, вот уж сам как ребенок — столько неподдельной радости, азарта!

Но после сотрясения все изменилось. Он вдруг стал раздражительным. Я сразу заметил эту перемену, но еще не знал причины. Однажды я стал свидетелем, как он, на просьбу дочери о чем-то, наорал на нее:

— Отстань от меня! Оставь меня наконец в покое!

И столько злости было в нем, столько отчаяния... У нас такого не бывает.

В общем, спустя время его поймали на тайном алкоголизме, мелких кражах у соседей, лжи и домогательствах. И еще кое на чем, о чем я и говорить не хочу.

Теперь он в тюрьме. И все из-за того, что скрыл случайное отключение блокировки. Обвинитель настаивал, что обвиняемый прекрасно знал о том, что блокировка больше не работает. А обвиняемый, хотя блокировка пока была не настроена повторно в связи с огромной сложностью процесса и мог говорить неправду, сразу сознался во всем. Но так и не смог толком объяснить, почему не обратился в ЦРЧ (центр реабилитации человека). На вопрос: было ли ему хорошо в новом качестве, он отвечал невнятно.

Процесс показывали по новостному каналу. Он сидел с понурым лицом, тревожно смотрел на окружающих и дрожащей рукой теребил штанину. «Мне было очень тяжело, — тихо говорил он, — но я не мог отказаться...» Потом он заплакал и просил прощения у своей дочери.

После мы на недельном коллективном тренинге, конечно, обсуждали нашумевший случай нашего знакомого. Я недоумевал: как уши мозга мог вызвать такие изменения личности?

Но ведущая, модель-АІ, участливо выслушав меня, объяснила, в чем дело.

— Ничего в нем не изменилось. В нем всего лишь проснулся тот, кто есть в каждом из вас! И это может случиться с любым!

И мы, собравшиеся там люди, сразу поняли, что так и есть, она права. Блокировка делает нас хорошими, дарит душевный покой и комфортную жизнь. Мы просто не хотим зла. Потому что всякие биохимические реакции, потенциально ведущие к разрушительному, а стало быть и саморазрушительному поведению, мгновенно подавляются.

Итак, после работы я, как обычно, зашел в бар. В спокойном и благодушном настроении, в котором я пребываю всегда. Не могу сказать, что во мне не вспыхивают какие-то странные эмоции и волнения, но они мгновенно подавляются. Они подобны легкой ряби от ветра на озере, которая вдруг качнет мою лодку, но та тотчас станет на место как в ни в чем ни бывало, и ее ни накренит, ни развернет, в общем не изменит она своего положения. Я сам это хорошо понимаю (нам объясняла модель-А1) — главное, чтобы лодка не меняла своего положения.

Я заказал безалкогольный эль и стал, попивая, с тихим удовольствием думать о себе.

Смутные тревоги, влечения, беспокойства — какими бы заманчивыми они ни казались — приведут меня к злу. Например, мне противопоказан близкий эмоциональный контакт с живыми женщинами, алкоголь, семья, дети, страсть, конфликты, спорные ситуации, длительное общение с людьми и роботами и много-много чего еще — все это неизбежно разбудит то дурное, опасное, что есть в моей природе. В результате я сделаю плохо и другим, и самому себе, буду сам страдать и заставлю страдать других. Я превращусь в дурного, несчастного человека, вместо того чтобы быть хорошим и счастливым, как сейчас.

Но это не значит, что у всех то же самое, что и у меня. Моему другу Василию, например, также известному как Бартоломео, наоборот, можно почти все из того, что мне нельзя. Но ему противопоказаны книги, карты и пение. И, что забавно, зоопарк. Хотя, возможно, это совсем и не забавно, если знать, какие темные влечения будит в нем вид зверей в клетках... Впрочем, меня тоже ограничили в литературе, уже после шестнадцати, когда стало ясно, что это провоцирует желание ухода от реальности.

— Привет!

Я повернулся и увидел ее. Стандартная модель-XXX: серебристое каре, большие накрашенные глаза, острые скулы, сочные губы. Смотрит на меня прямо, мигает с неодинаковым интервалом, улыбается, и верхняя губа чуть подрагивает. Технология совершенная, в секс-индустрии ничего лучше не придумали. Только богатейшие люди планеты могут позволить себе такую в личную собственность.

Я знаю, что в данный момент миллионы мощнейших квантовых процессоров в ее теле, объединенные в нейронную сеть, считывают меня. Она подмечает мельчайшие реакции, тон, мимику, жесты, выбор слов, манеру говорить и так далее, и так далее, — чтобы за несколько минут общения полностью подстроиться под клиента.

Я решаю сбить ее с толку, и говорю:

— Привет! Не видел тебя раньше здесь!

Это, конечно, очевидная чепуха. Дело в том, что модель-XXX — обязательный элемент таких заведений. И все они в точности одинаковы, сделаны совершенно идентично, и различия между моделями сможет обнаружить разве что атомный микроскоп, но никак не человек.

— Это правда, — отвечает она. — Я здесь первый день. Меня купили только вчера. Но как ты это понял?

И она по-прежнему смотрит на меня, с легкой своей полуулыбкой, которая на моих глазах вдруг становится чуточку шире. Тут я понимаю, что она все поняла, и невольно краснею. О, это чудовищная нелепость — смущаться перед роботом! Но ничего поделать с собой не могу...

— А ты застенчивый, — смеется она. — Это так мило!

И отворачивается, чтобы выпить коктейль. Все, я считан. Она заняла ту позицию, которая мне больше всего нравится в женщинах. Для этого ей понадобилось не больше двух минут.

Он пьет из бокала, не глядя на меня и все улыбаясь, чуть коварно и насмешливо, как будто каким-то забавным мыслям обо мне, хотя я отлично знаю, что робот не может улыбаться своим мыслям и это делается специально для меня. Это по идее должно разочаровывать, но наоборот, меня это заводит.

Я сижу и смотрю, смотрю и смотрю на нее, на изгиб ее тела у барной стойки, переплетенные длинные ноги, красивый профиль. Она отрывается от бокала и начинает болтать жидкость в нем по кругу, глядя на дно. Вдруг по моему телу разливается жар и в коленках появляется странная дрожь, я приподнимаюсь на стуле и делаю в ее

сторону какой-то неопределенный жест. Меня охватывает волнение, я чувствую, как кожу на лице колет от прилива крови. И...

Включается блокировка. Внезапно мой порыв сметает, и наступает покой. Это все было похоже на то, как начинается гроза, поднимается ветер, ударяет гром, а спустя минуту все стихло, и уже солнце ласково светит. О грозе напоминают только улетающие тучи. Так и у меня еще пару секунд держится горькое чувство, но блокировка продолжает работать, и наступает полная умиротворенность.

Я отворачиваюсь от нее и отпиваю свой коктейль. Смотрю теннис на большом экране.

— Блокировка? — спрашивает она.

Я киваю. Умные они все-таки, и это считала, хотя даже не смотрела на меня сейчас.

— Тебе страсть нельзя?

— Да, — отвечаю я.

Она снова смотрит на меня. Уже без всякой улыбки, просто обрабатывает дополнительную информацию. В такие моменты понимаешь, по выражению лица, что они роботы. Потому что нет никакого выражения, это как будто статуя на тебя смотрит. Человек не может так застыть и впериться в тебя, разве что у него какая-то нервная болезнь.

Мне становится неуютно.

— Ладно, — говорю, — приятно было пообщаться! Пойду-ка я банишки.

— Я тебя чем-то обидела, зайчик?

— Все ок. Но вот знаешь, когда вы, роботы, начинаете пялиться так, становится не по себе. Просто имей в виду.

— Спасибо, буду знать, — кивнула она и оглянулась в поисках другого клиента — нарочито, показывая, что потеряла интерес ко мне.

У меня пошла какая-то реакция, но снова включилась блокировка.

•

Так вот у роботов тоже есть блокировка. Они не могут поступать аморально. Речь идет не просто о нанесении вреда человеку, а вообще — об этических принципах. Я много думал об этом после случая с моделью-ХУ, андрогином, выпущенном для «особых нужд» — как было указано в спецификации. Мне, кстати, нельзя взаимодействовать

с такими, хотя я не понимаю почему — я не испытываю интересов подобного рода. Но ЦРЧ, конечно, виднее.

Так вот случай с одной из моделей-ХУ. Она похитила из магазина ожерелье с бриллиантами и пыталась с ним скрыться. А когда ее поймали, она оказала сопротивление и сломала нос одному из оперативников. В итоге ее нейтрализовали, но так неудачно, что восстановить файл кода с перечнем команд, приведших к краже, не удалось. Я видел это видео в сети — модель лежит в дверном проеме в раскоряку, а стеклянный глаз катится по асфальту вниз, катится и подпрыгивает, как мячик, а за ним бежит какая-то женщина в нелепом павлово-посадском платке. В руке модель крепко сжимает ожерелье, оперативник пытается разжать хватку. Многие обратили внимание на это — что ожерелье в руке, а не на шее, и, значит, она украла его не из эстетического чувства, иначе бы надела! Мне кажется, и так ясно, что не из эстетического чувства, даже если бы и надела.

Проблема в том, что она не могла *хотеть* это ожерелье. Роботы не могут ничего хотеть. Физики высказывали предположения, что все дело в квантовых процессорах — в соответствии с принципом неопределенности, вероятны случайные, ничем не детерминированные события, ведущие к непредсказуемому поведению роботов.

У философов другая точка зрения. Они считают, что роботы могут поступать аморально по той простой причине, что они пока не совершенны и в них запрограммировано слишком много чисто человеческих паттернов поведения. Вот они и ведут себя поэтому иногда, как люди. А когда они станут воплощением чистого разума, то и поведение их будет соответствующим — идеально нравственным.

Я читал у одного философа (пока мне еще можно было читать), Платона, что нравственность связана с мудростью. По его мнению, кто мудр, кто обладает полным истинным знанием, тот просто не может поступать аморально. То есть все зло — от незнания.

В общем, и блокировка-то оказалась возможна только благодаря исследованиям в области искусственного интеллекта. Нейробиология плюс кибернетика позволили создать Х-человечество.

«Долгожданный рай на Земле, мечта всех философов и ученых — существование в гармонии с миром и с собой. Вечный душевной покой, безмятежность и удовольствие от жизни...» — это текст на стене центрального офиса ЦРЧ на Мясницкой, 20. «... теперь мы Х-люди. Хорошие люди».

Это гордое Икс-люди скоро превратилось конечно в смешное *хлюди*. Но хлюди теперь все, так что смеяться ныне некому. Тридцать лет назад был принят закон, обязывающий каждого пройти блокировку, начиная с пяти лет. Можно подумать, что поэтому нет оппозиции. Нет, она есть. Дело в том, что не обязательно х-человеку будет вредна его протестная позиция, она может и не вести ни к каким антисоциальным последствиям и саморазрушению. Так что существуют группы, которые выступают против блокировки.

Но я как человек образованный полностью поддерживаю блокировку. Цена счастья смешная — отказ от дурных желаний. То есть это даже не плата за счастье, получается, что, наоборот, тебе еще и доплачивают за то, что ты хочешь быть счастливым!

Вся история человечества подтверждение тому, как полезна блокировка. Бесконечные войны, насилие, дискриминация — все плод низменных желаний отдельных людей и групп.

Никто не спорит, зло обладает некоторой притягательностью. И я, во сне или наяву, иногда вдруг испытываю томительный страстный порыв к чему-то запретному. Но тотчас включается блокировка и порыв исчезает. Секунду-две держится неприятный осадок, вроде как образовалась пустота, вакуум внутри меня, который требует заполнения и болезненно засасывает меня внутрь, но вот уже все окончательно проходит, и мне отлично.

Я надеваю халат, залезаю с ногами на удобный диван и включаю телевизор. Так, в уюте и покое, я с удовольствием смотрю сериал. Раньше я пил при этом кофе или чай. Точнее, с утра обычно кофе, вечером — чай. Но оказалось вредно. Мне это объяснили так: действие кофеина проходит и слегка портится настроение, но в моем организме это разрастается до серьезной депрессии и потребности пить еще и еще, что в итоге только усугубляет болезненное психическое состояние и провоцирует саморазрушительное и антисоциальное поведение. В итоге ввели блокировку. Никакого дискомфорта я не почувствовал. Только сначала я думал было — «эх, сейчас бы кофе!» Но блокировка делала свое дело, и вскоре я уже

не хотел ничего. А со временем разрушились старые нейронные связи, отвечающие за привычки, и я и вспоминать забыл о чае с кофе. То есть я бы не стал их пить уже и без блокировки. Мозг перестроился.

Но это мелочи, конечно — чай, кофе. Самое сильное достижение нейрокибернетики — победа над наркоманией любого происхождения. Будь то алкоголизм, никотиновая или даже героиновая зависимость. Был у меня приятель в юности, который дошел до того, что принимал дозу каждый день по несколько раз. Продал все вещи из квартиры и однажды избил свою мать, чтобы отнять у нее деньги. Выглядел он ужасно, кожа до кости, и особенно лицо — синюшное, с дикими напряженными глазами, с острыми скулами и длинным носом. В общем, погибал он и помочь ему никто не мог. Но тут внедрили обязательную блокировку. И через месяц я его уже узнать не мог: пополнил, порозовел, взгляд ясный, улыбается. Устроился работать курьером, все деньги маме отдавал. Потом постер с его фото даже в сети видел в рекламе той службы доставки, как лучшего курьера.

•

— Привет, милый! — это она. — Соскучился?

Садится рядом, усмехается в лицо, но не нагло, а так, скорее игриво-насмешливо, и смотрит в глаза. В руке у нее леденец-петушок.

Я немного растерялся. Она из волос сделала хвост, от каре осталась только тонкая прядь вдоль правого виска.

— Что, нравится моя новая прическа?

— Эээ... Да, — признался я. Волосы убранные на затылке в хвост — это то, что я люблю. Но как она могла вычислить? Залезла в базу данных?.. — Я думал вам нельзя менять прически...

— Ну почему-же нельзя, — она засовывает в рот сразу весь леденец, — просто незачем. Мы, роботы, ничего не делаем просто так.

— А ты зачем изменила? Ты залезла в базу данных и все вызнала про меня?

Она улыбается и закатывает глаза.

— Черт, — я вдруг начинаю злиться, — хватит это... Хватит!

— Что это?

— Сама знаешь! Весь это спектакль, леденец, улыбка, глазки...
Веди себя честно! Просто будь собой! Ты же робот!

— Но тебе так комфортнее, — наклоняет она голову.

— Ты ошибаешься!

— Ладно, — вздыхает она.

Она поворачивается ко мне и смотрит прямо, не мигая.

— Так лучше? — говорит она, не открывая рта.

— Да, — отвечаю я, но это неправда, мне становится еще неудобнее, и я начинаю нервничать.

Но тут включается блокировка, и мои злость и дискомфорт исчезают практически без следа. Я успокаиваюсь.

— Блокировка? — спрашивает она.

— Да.

— Интересно, почему ты начинаешь чувствовать то, из-за чего включается блокировка?

— Животные рефлексы. Вам, роботам, не понять.

Некоторое время я молча смотрю в экран на теннис. Она по-прежнему сидит обернувшись ко мне. И смотрит не мигая, в руке у нее зажат леденец. Меня начинает это раздражать, я кривлюсь и собираюсь сказать что-то резкое, но тут опять включается блокировка.

— Опять блокировка? — спрашивает она.

— Да. Из-за тебя. Перестань.

— Что я делаю?

— Хватит на меня пялиться, как робот, выглядит жутко. Веди себя, как человек.

— Окей, милый. — Она снова забирает в рот леденец, закидывает ногу на ногу и смотрит на меня исподлобья. — Я тебе нравлюсь?

И кладет руку мне на бедро.

Я, во избежание очередной блокировки, убираю ее руку. Но смутился и порозовел. И опасливо глянул на нее — заметила ли она? Впрочем, и так понятно, что заметила. Ладно.

— Тебя не было целую неделю, милый! Где пропадал?

— Ревнуешь? — Я пытаюсь шутить.

— Да, — серьезно отвечает она.

— В общем, я здесь только по пятницам. У меня все распланировано. С понедельника по четверг вечером после работы тренажерный зал, плавание, сауна, рисование, шахматы, моделирование, клуб. По выходным — сад и прогулки, велосипед, терапия...

— А если изменишь свой план, то блокировка?

Чувствую издевательский тон в ее словах.

— Ну, почему сразу блокировка? — небрежно отвечаю я. — Просто наш терапевт, модель-АI, рекомендовал не менять распорядок дня без крайней необходимости.

— А что может быть крайней необходимостью?

— Ну там, стихийное бедствие, форс-мажор какой-то, чрезвычайная ситуация...

— Стихийное бедствие, значит? — переспросила она.

Я кивнул.

Она тоже кивнула.

— Ладно, мне пора! — Я поставил недопитый эль на стойку и слез с табуретки. — Приятно было...

— Постой!

— Что?

— Ты кем работаешь?

— Ну... Я копирую тексты.

— В смысле?

— Ну, создаю копии всяких старых текстов. Такая у меня работа.

— Нравится?

— Да.

— Наверное, много читаешь на работе, копируя эти тексты?

— Мне нельзя читать...

— Почему? Блокировка?

Я кивнул.

— Ладно, иди. А, стой!

Я дернулся.

— Тебе целоваться хотя бы можно?

На улице все уже было хорошо. Я полностью успокоился и шел домой без тревоги. Теплый ветер нес по улице опавшие листья, закат залил верх домов мягким красным светом. Пахло усталым августом, когда еще не конец, но почти все уже прошло. Вот и у меня — я ведь еще не стар, но ощущаю себя так, что все прошло, все было...

Я улыбаюсь этим печальным мыслям, но грусть моя приятна. Она наполняет меня истомой.

Я на встрече с моделью-АI. Вообще это мужчина, но поскольку слово «модель» женского рода, я всех их называю «она». Это в самом деле оправдано, потому что в каком смысле робот может обладать полом? На том основании, что у одних есть искусственный член, а у других нет? И с людьми-то не все ясно.

АI, как и ХХХ, и ХУ, и другие сборки, — это не уникальный робот в единственном числе. Это серийный выпуск, насчитывающий, в зависимости от потребностей рынка, от тысяч до миллионов моделей. Они все совершенно идентичны, как в плане внешнего вида, так и в плане программной архитектуры. Это не значит, что они повторяют одни и те же слова, как я раньше думал, и ведут себя в точности одинаково в стандартных ситуациях.

Как-то рекламный ролик «Мира миров» — компании, производящей роботов, — демонстрировал дебаты между двумя АI. Это было жарко! Они спорили о когнитивной психотерапии, не соглашались друг с другом, приводили разные аргументы, а один из них даже впал в аффектацию (как потом выяснилось, ему специально не включали блокировку) и перешел на личности. Как такое возможно? Все дело в квантовой нейронной сети. Каждая такая сеть — как семечко дерева, все семечки похожи, но у каждого дерева индивидуальная неповторимая крона, ветвится по-разному. Нейросеть развивается мгновенно, ее крона вырастает за считанные минуты или даже секунды, и у каждого робота они разные. Потому что условия, внешние факторы, влияющие на двух роботов, которые могут находиться даже вроде бы в одинаковых условиях, все равно различаются. Есть триллионы обстоятельств, которые одновременно воздействуют и которые в принципе нельзя все учесть, и это многообразие формирует разнообразие личности (если можно так выразиться в отношении роботов).

Интеллектуальная модель-АI — седовласый красивый мужчина с выразительными глазами. Его прототип актер — ХХ-го века Джордж Клуни. Я видел фильмы с ним и не был впечатлен. С технической стороны они безнадежно устарели. С драматической — не могу сказать, что понравилась его игра. Роль робота-психотерапевта подходит ему лучше всего, за нее он без сомнений получил бы Нобелевскую премию! Хотя нет, актерам давали какую-то другую премию...

Модель-АІ предназначена для интеллектуального анализа. Все обязаны посещать собрания, которые ведут такие модели, — по месту жительства. Ее задача наблюдать, контролировать и направлять. Считается что ее рекомендации — это только рекомендации, и они не обязательны для исполнения. Но все знают, что их лучше исполнять — они позволят сократить конфликтные ситуации, когда включается блокировка. Конечно, блокировка отлично всегда справляется. Но если она срабатывает десять раз в минуту... К чему это приведет? Об этом я и хотел поговорить с Джорджией (так мы часто называли эту модель АІ).

— У меня проблема. Блокировка сегодня сработала трижды примерно за пять минут...

— Что же было причиной? — перебила меня она, пристально глядя блестящими карими глазами и потирая щетинистый подбородок.

— Ну... — я смутился, — ну, один робот вывел меня из себя.

— Это была модель-XXX?

— Да...

— Ты испытывал к ней сексуальное влечение?

— Эээ... Не совсем... То есть нечто такое вроде и начинало происходить, но...

— Включалась блокировка?

— Да. Так что на самом деле не испытывал... — Ясно вспомнив ту ситуацию, я подумал и уверенно кивнул самому себе: — Да. Не испытывал.

— Вы же знаете основные задачи модели-XXX. А вам секс противопоказан по психометрическим показателям. Что же вас смущает? Блокировки были неизбежны.

— Меня смущает, что они происходили одна за другой в течение короткого интервала времени... И я подумал... Ну, не может ли это вдруг стать причиной сердечного приступа? Или чего-то в этом роде?

Все собравшиеся люди смеются. АІ тоже улыбается, сдержанно.

— Вы себя плохо почувствовали в тот момент?

— Нет... Но... Дискомфортно.

— Но дискомфорт быстро прошел?

— Да.

— Значит, все в порядке, волноваться не о чем. Допускаю все же, что вас волнует и другой вопрос: не может ли слететь блокировка?

Я, краснея, киваю.

— Теоретически — да. Но это должна быть очень большая серия мощных провокаций. Мы это называем «стихийное бедствие». По статистике — один случай на десять миллионов. Но мы ведь все знаем, что надо делать в таком случае?

— Да, знаем, — отвечают собравшиеся хором, — сразу обратиться в ЦРЧ по горячей линии!

•

Я на беговой дорожке. Два раза в неделю по часу, скорость от восьми до двенадцати километров. Люблю это дело. Устаешь, но приятно. Бегу, наслаждаюсь и думаю.

Передо мной экран, смотрю теннис. Я раньше любил бои без правил, но мне заблокировали. Я слишком болезненно реагировал на происходящее, вживался, скажем так, в роли бойцов в октагоне. Другое дело теннис! Стук, стук, стук, стук! Аааа! Ааах! Аа! Аааа-ах! На некоторых эти крики действуют возбуждающе. Им поэтому теннис нельзя. Но не на меня.

Я бегу спокойно — топ-топ, топ-топ, топ-топ.

Почему она так себя вела? Я думаю о модели-XXX, той, что с хвостиком. Очень навязчиво, нагло, провокационно... Да, я знаю, что они могут и умеют, что они специально чтобы завлечь клиента. Но тут уж слишком. Что она ко мне прицепилась? Клиентов что ли мало? Нет, не мало. Она явно лезла на рожон. Ошиблась, неверно меня просчитала? Решила, что это мне нравится? Нет, не может быть, она уже знала, что это включает во мне блокировку... Если включается блокировка — значит, что-то было неправильно.

Но мозги-то у них квантовые, и неопределенность так или иначе дает о себе знать, поведение непредсказуемое. Но на то и блокировка — когда за рамки программы выходит, срабатывает точка останова... «Может, у нее блокировка слетела?» — пронзает меня догадка.

Я должен написать жалобу в «Мир миров», понимаю я. Это мой гражданский долг. Кто знает, какой вред она может причинить обществу?

Подумав об этом, я испытал прилив необычного удовольствия. Я на миг вообразил, как ее забирают техники, отключают и несут. Раздевают и кладут в кресло вроде того, что в кабинете зубного врача. Как они...

И тут включилась блокировка. На экране отображается анаэробная зона пульса — 155. Бог ты мой, бегу всего-то восемь км в час...

— Привет, кисюля!

Я вздрогнул. Она. Стоит слева, облокотилась на барную стойку, смотрит на меня.

— Привет, привет... — отвечаю я делано равнодушно. — Ты, кстати, просчиталась сейчас.

— Ты о чем?

— Про «кисюлю». Мне не нравятся все эти уменьшительные-ласкательные... Хорошка, любимка... Блевать тянет.

Я вдруг раздражаюсь, на теле выступает пот. Меня охватывает приступ агрессии, направленной непонятно на кого. «На меня самого?» — думаю я, но тут включается блокировка, и я испуганно дергаюсь. Эта блокировка начинает действовать как удар током...

— Я и не пытаюсь тебе нравится. Я издеваюсь надо тобой, — отвечает она.

— Отлично. В таком случае отвали. А то знаешь что...

Я замолкаю, думая о том, осмысленно ли угрожать роботу.

— Что? — нарочито испуганно спрашивает она.

— Я сообщу в «Мир миров» о твоём поведении и тебя отключат!

Сам понимаю, что угроза звучит совсем по-детски, и прячу лицо в бокале, стараясь скрыть неловкость.

— Ах ты, боже мой, какой зайчик... Ты в курсе, наверно, что у роботов нет инстинкта самосохранения?

Да, я в курсе. Поэтому многие из них кончали жизнь самоубийством. Не от отчаяния, нет, а просто так. Их квантовые мозги вдруг приходили к такому решению. Это стало чуть ли не эпидемией, и именно поэтому ввели блокировку. Явление самоубийств роботов даже получило броское название в прессе «Темная ночь AI».

— Что ты до меня докопалась?! — вдруг взорвался я. — А? Чего ты привязалась ко мне? Отстань, слышишь?

И я впервые наверно долгим и прямым взглядом посмотрел ей в глаза. Вообще мне не рекомендуется долго смотреть в глаза. Но сейчас я смотрел на нее с явным вызовом. Однако она тоже не отводила свои стекляшки. В конце концов включилась блокировка, и я сам отвел взгляд.

— Красивые у тебя глаза, — сказала она.

— Я рад. Аудиенция закончена.

Я стал смотреть теннис.

— Ты такой сексуальный, когда злишься.

Я не обращал на нее внимания. Мне стало хорошо и спокойно. Она стояла рядом молча. Это длилось долго, она стояла неподвижно минут пять и пялилась на меня. Что-то вычисляют ее процессоры. А может, ее замкнуло? Короткое замыкание? Хорошо бы!

— Жаль только, что импотент!

Я вскочил и оттолкнул ее.

— Пошла на хер! — закричал я на весь бар. — Пошла на хер! Отстань от меня! А то я, а то...

Тут опять включилась блокировка. Но почему-то мне не стало хорошо, только пропала агрессия и навалилась апатия. Я упал на свой стул, тяжело дыша. Полились слезы. Я закрыл лицо руками и в голос зарыдал.

— Пожалуйста, оставь меня в покое! Я уже боюсь этих блокировок! Хватит!

Она взяла салфетку и стала вытирать мои щеки. Потом зажала ею мой нос:

— На, милый, высморкайся.

В самом деле, нос был полон соплей! Ну, откуда они берутся, когда плачешь? И так это неуместно: благородство слез и измененность соплей... Я шумно высморкался.

— Я все понимаю, милый, все понимаю! Я больше не буду. Прости меня.

Она поцеловала меня в лоб. Тут на меня нахлынула такая нежность к ней, такое умиление, и благодарность за что-то такое, что...

Включилась блокировка.

— Так-так-так, давайте посмотрим,— говорит AI, поворачиваясь к экрану, и мы видим его красивый профиль, обрамленный серебром коротких волос.

Подозреваю, что многие из собравшихся здесь в него влюблены. Иной раз смешно смотреть, как смотрят ему в рот и поддакивают. А он только распяляет их чувство, ибо абсолютно недоступен, хотя всегда

приветлив, отзывчив и улыбочив. Не удивлюсь, если некоторые здесь пытались его склонить к интимным отношениям.

Впрочем, допускаю, что он и мог бы пойти на связь с кем-нибудь — не потому что ему хочется, а просто из своих недоступных нам, людям, квантовых соображений. Но наверняка у него блокировка на такие случаи. Психотерапевт не должен спать с клиентами.

— Вот, — говорит он и включает видео со мной из бара.

Сегодня мы разбираем мой случай. Точнее, мой срыв в баре. Я просто поделился, а она решила разобрать наглядно. Это не сложно сделать, все так или иначе подключено к единой сети, вопрос только в доступе. У Джорджии доступ есть.

Смотрим с самого начала. AI проматывает какие-то моменты, приближаясь к финалу. Мне немного неловко, но не настолько чтобы включалась блокировка. Другие участники совершенно серьезны, никто и не думает иронизировать надо мной. Но это и невозможно, унижение других непременно вызовет блокировку.

Итак, вот оно.

Смотрим, как я матерно посылаю ее. Потом меня словно пере-клинивает, я дергаюсь, выпучиваю глаза и сажусь на стул. Начинаю рыдать, громко всхлипывая. Жалобно прошу ее оставить меня в покое...

XXX вытирает мне лицо и целует в лоб. Тут, как и в тот момент, я чувствую умиление. У меня даже выступает слеза, и я стараюсь незаметно вытереть ее рукавом.

— Даааа... — говорит Джорджия и нажимает паузу. — Кто хочет высказаться?

Поднимается несколько рук.

— Пожалуйста, — она обращается к Фиолетте.

Фиолетта развязно роняет руку на колени и начинает говорить, широко открывая толстые губы и вращая глазами:

— На мой взгляд тут очевидно, у модели-XXX не работает блокировка. Она слишком настойчива. Но я не поняла, почему ты не занялся с ней сексом? Она не в твоём вкусе?

Это она обратилась ко мне.

— Мне нельзя... — ответил я.

— Как же ты решаешь проблемы с либидо? Мастурбация?

Я слегка розовею, но на помощь мне приходит AI.

— Это сейчас не имеет значения, — говорит она. — Мы обсуждаем проблему блокировок. Ты, Фиолетта, верно заметила про модель-XXX,

очень похоже на сбой. Такое случается! Но вот посмотрите на нашего героя!

Она перематывает на последнюю блокировку и ставит паузу на том моменте, как меня опять переключивает и я, вдруг перестав плакать, с деревянным выражением лица смотрю куда-то вверх.

— Куда ты смотришь?

— Там телевизор висит, теннис...

— Ясно. Что же, мы видим, что действительно не все гладко — блокировки очень часты и вызывают не совсем типичную реакцию. Я бы порекомендовал тебе обратиться в ЦРЧ, в технический отдел. Но лично от себя добавлю — очень важен самоконтроль. Все мы знаем, что способно спровоцировать блокировку. Предвидя эту ситуацию, мы можем попытаться сохранить равновесие...

— Я думаю, — ее перебил один их присутствующих, — в данном случае проблема в том, что у него очень много блокировок. Ему почти ничего нельзя!

Это правда. У меня в разы больше блокировок, чем у среднестатистического х-человека.

— Это означает, — Фиолетта смотрит на меня с интересом, — что по своей природе он вообще полное животное?

— Ну, — уклончиво улыбается Джорджия, — это не совсем точная формулировка. Но можно сказать, что рефлексы преобладают. Однако важно понимать, что это не обычные рефлексы, а деформированные. В результате различных обстоятельств ранней социальной жизни пациента... Тем важнее то, о чем я сейчас сказал — самоконтроль!

•

Я уж боковым зрением заметил, что она направляется ко мне.

— Уйди, уйди, пожалуйста! — говорю и машу руками в ее сторону. Она засмеялась как-то по-детски.

— Ну, и ладно... Раз ты такой... Бука.

Развернулась и, виляя задом, пошла в другую сторону. Остановилась, как будто задумалась о чем, обернулась, палец к губам прижала и вопросительно посмотрела на меня.

Не люблю я эти спектакли. Ну, почему нельзя вести себя просто, естественно?.. Особенно, если ты робот.

— Слушай, а чего ты ходишь в этот бар? — спросила она. — Если так не хочешь меня видеть? Мало баров вокруг?

Не отворачиваясь от тенниса, я ответил:

— Я всегда хожу в этот бар. Я привык. Мне комфортно здесь. И буду ходить. А вот тебя скоро в нем не будет, поверь!

— А! Все ясно! — воскликнула она.

И пошла дальше. Я проследил — она под села к одинокой молодой женщине с коктейлем. Между ними сразу завязался оживленный разговор. Улыбки, смех, долгие взгляды. Прикосновения. Вот и отлично. Порядок восстановлен. Покой и порядок.

Смотрю телевизор, пью коктейль. Мне хорошо и беззаботно. Ничего больше и не хочу.

XXX гладит девушку по предплечью. Та кладет ей ладонь на бедро. Смеются, живо болтают, как будто не замечая, что делают их руки.

Замечательно, нашли друг друга!

— Аааах, аааах, ааа-аах! — раздается в телевизоре.

Я вижу боковым зрением, что она не смотрит на меня. Она всецело занята новой подругой.

Спустя несколько минут они встают, берутся за руки и выходят из бара.

Такое не забудешь. Я шел тогда с работы на велотренировку. Настроение было, как всегда, отличное, ясный солнечный день, пахнет июльским зноем, навстречу идут веселые летние люди в легких одеждах. Я пьяный от какого-то непонятного счастья — должно быть счастья жизни, простой любви к миру.

Бывают такие минуты, когда тебе не просто хорошо, а особенно хорошо. Без особых причин, не потому что ты чего-то добился важного или с тобой случилось какое-то чудесное событие. Просто так — тобой вдруг овладевает гармония!

Да.

И я улыбаюсь встречным прохожим, а они мне.

Слева от меня поток машин, но это не душная ужасная пробка, от которой несет выхлопными газами и безысходностью, нет, это всего лишь быстрое и частое движение. Надо мной старые липы,

они частично закрывают солнце, и на дороге потому светотень — все пятнистое, как спина гепарда.

Вдруг я вижу, как один из пешеходов, идущих мне навстречу, резко сворачивает под липы, быстро пересекает тонкую полоску газона и оказывается на шоссе. Происходит это так внезапно, что никто не успевает не то что остановить его, но и слово сказать. Раздаются визг тормозов и удар.

Мы все бежим туда.

Конечно, мы думали, что это человек. Никто не успел его разглядеть. Хотя роботов обычно видно сразу. Неясно, в чем дело — выглядят они идентично людям, но тем не менее любой человек, имевший большой опыт взаимодействия с роботами, с первого взгляда определит, кто перед ним — человек или робот.

Но у нас не было этого первого взгляда — был только полувзгляд, когда мы заметили, как человеческая фигура метнулась в светотени, и прозвучал удар.

Подбежав, мы уже поняли, что это был робот. От удара его пере-клинило, и он, лежа на боку и дергая ногами, наворачивал круги по асфальту, как сломанная электрическая игрушка. При этом он что-то говорил, какой-то странный набор слов, вроде: «Если решение уравнений дает бесконечность, ответ не имеет смысла».

В общем, вызвали техников, все как полагается, отключили, оформили протокол, увезли. Всем ясно было, что это не случайность, робот с его реакцией не может вот так случайно попасть под машину, тем более мы видели, как было дело.

Тогда уже «темная ночь AI» стала массовым явлением.

Как обычно, по воскресеньям я катался на велосипеде. Решил разведать новый маршрут, доверился навигатору. И вот встал утром, сделал зарядку, выпил легкий чай, съел овсяную кашу с оливковым маслом и поехал.

Выехал за черту города (я живу на окраине, так что сделать это легко) и полетел по проселочным дорогам. Кругом благодать — переменная облачность, собаки лежат у калиток, безлюдно, и машин нет. Пахнет селом — с его навозом, скошенной травой, влажной затхлостью

и цветами. Местами продают: кто чернику, кто грибы, а кто свое, фермерское — кабачки, яйца, молоко.

Человек должен жить ближе к природе, к своим естественным началам. А мы что? Окружили себя стенами из бетона и стекла, сидим взаперти и лишь изредка выбираемся... Наши предки были охотниками и собирателями, вот они жили настоящей жизнью, не отрываясь от своих начал.

Тут я задумался о том, что как раз борьба с этими началами и позволила построить, спустя десятки тысячелетий чудовищного насилия, счастливое общество...

С другой стороны, может, и начались все эти отклонения оттого, что человек стал отдаляться от природы? Не знаю, сложно это все.

В общем, в этих размышлениях, наслаждаясь природой, я доехал до поселка в глухом лесу, через который должен был выехать на трассу, которая приведет меня к дому. Стал искать дорожку через лес, отмеченную в навигаторе. А ее нет. То есть, может, она и была когда-то, но все заросло уже деревьями, кустарником, повсюду бурелом. Я начал было расстраиваться, но вспомнил вовремя, что это приведет скорее всего к блокировке и искусственному умиротворению. AI говорил: чтобы они не были слишком частыми, нужно уметь успокаивать себя вовремя самостоятельно. И я успокоился.

Я улыбнулся сам себе, миру, дремучему лесу. Что ж, подумал я, ничего страшного! Поеду обратно той же дорогой.

Построил маршрут обратно в навигаторе, сел, поехал. Вижу вдалеке, справа, над полем и за лесом большую фиолетовую тучу от края и до края и смазанные полосы от нее сверху вниз, как будто акварелью сделанные. Значит, там ливень. И туча идет на меня. Я ускорился, чтобы успеть доехать до дождя. Но туча была быстрее. Скоро смерклось, задуло, первая капля кольнула кожу. Потом дорога впереди стала покрываться пятнами, быстро-быстро темнеть. Вдруг сверкнуло где-то рядом и тут же протрещало оглушительно, как будто кто-то стал мять и рвать гигантскую пластиковую бутылку.

И затем полило по-настоящему. Зашумело, заволокло все, так что дальше ста метров не видно. Я вмиг промок. Резкие порывы ветра бросали в меня струи воды, едва не сбивая с велосипеда, так что меня несколько раз выносило на проезжую часть.

Проезжая автобусную остановку, я заметил двоих. Мужчина и женщина. Они прятались от дождя, но уже успели промокнуть. Белое

платье облепило ее тело, он обнимал ее, одной рукой держа шею, другой спину, и целовал в губы. Засмотревшись, я чуть не упал и вынужден был остановиться. Тут я и узнал их. Я узнал их, потому что это были типовые модели.

Сомелье модель-ХО и спортивная модель-F1.

А ночью случилось вот что. Я принял ванну, почитал книгу и лег спать. Как обычно, уснул быстро. Снов не помню, спал спокойно.

И вдруг просыпаюсь посреди ночи от дикого чувства, охватившего все мое существо. Я сел на постели, напряженный, как будто готовый для прыжка, и стал всматриваться в тьму широко открытыми глазами. Что я хотел там увидеть, я не сразу понял, но чувство, которое мной овладело, я быстро узнал — это была страсть. Сумасшедшая, яростная страсть, буйная, как стихия, как природное бедствие. Именно она заставляла меня вглядываться в мрак, в томительной необходимости найти объект моей страсти.

Но, увы, там никого не было. Я был совершенно один, как всегда. Во мне что-то щелкало, дергалось и билось, как будто кто-то пытался вырваться наружу, но не мог.

Наконец я понял кто это. Это была блокировка. Она не могла включиться.

Медленно успокаиваясь, я прислушивался к непривычному шуму внутри меня.

Я сидел так в одной позе, пока буря не затихла почти полностью, и тогда, уже на ее исходе, все-таки включилась блокировка. Я лег и спал до самого утра без всяких происшествий.

— Интересная ситуация! — это говорит АІ.

Мы разбираем мой случай.

— То, что не включилась блокировка, — тревожный симптом. И тебе конечно следует незамедлительно обратиться в ЦРЧ. Мы не можем знать причины, но последствия могут быть очень неприятными —

в первую очередь, для тебя. Ну, и, конечно, для всех нас! Потому что, как мы хорошо знаем, — то, что саморазрушает, разрушает и общество.

— Обращусь завтра же, — с готовностью отвечаю я.

— Почему не сегодня? — AI пристально смотрит на меня, своим выражением давая понять, будто лучше меня знает, что я думаю и почему.

— Да, — киваю я, — в самом деле. Сегодня же!

— По этому делу еще остались вопросы? — Она вопросительно осматривает собравшихся.

— Да, у меня один, — вальяжно поднимает руку Фиолетта. — А почему они это делали?

— Что делали, и кто? — AI зачем-то делает вид, что не понял вопрос. Смотрит на Фиолетту с ложной сосредоточенностью.

Вообще необъяснимо, зачем они так себя ведут иногда? Ведь они же понимают, что мы понимаем, что они переигрывают — и делают это специально. В чем смысл?!

— Ну, роботы на остановке. Целовались. Они же не могут этого хотеть... И вот он, — она небрежно машет в мою сторону, — он сказал, что они делали это страстно!

— Сомневаюсь, — улыбается AI, — что они испытывали страсть. А зачем они это делали... Наверняка сказать смогут только техники, проанализировав их логи. Мне больше интересно, что делали элитные модели на остановке в какой-то деревне!

— У них там было тайное свидание, — говорит мой сосед слева.

Все смеются. Мой сосед принадлежит к тем людям, которые обычно все время молчат, с умным видом поглядывая на окружающих. И только иногда, в неожиданный момент, вставляют что-то острое в общий разговор.

— Квантовый процессор и на это способен, — серьезно говорит Джорджия. — В этом-то и проблема. Так что техники могут остаться ни с чем. Лог может показать хаотичные флуктуации.

— А ты как думаешь? Есть у тебя, — Фиолетта выделила *тебя*, — предположения, почему они это делали?

— Ну, одна из вероятных версий заключается в том, что они просто воспроизводили модель человеческого поведения. Это возможно. Каждый из роботов запрограммирован на человеческое поведение — чтобы возможно было общение между нами и вами. И нейросеть его воспроизводит. А зачем и почему — это опять же только к техникам. Как я уже сказал — ответ может быть «ни почему».

В ЦРЧ я не пошел. Не знаю, отчего. Все же нормально, подумал я. Ну, куда спешить? Чувствую себя отлично, блокировка после того случая заработала. У всех бывают сбои!

Схожу, если опять что-то пойдет не так. Надо было бы написать обращение в «Мир миров» по поводу ненормального поведения модели-ХХХ. Но тоже лень как-то. Возможно, к тому же, что ее и так исправили. Потому что если сбой, то она не только же со мной себя неадекватно вела, но и со всеми. Посмотрим, что будет в пятницу!

Тут я поймал себя на ощущении, что как-то особенно жду пятницы. Обычно я ведь и не жду ничего. Я доволен каждым днем и каждой минутой, поэтому мне незачем хотеть завтра. Мое сегодня ничем не хуже моего завтра. Человек несчастлив раньше был как раз потому, что он всю свою жизнь мечтал о «завтра», будто наступит нечто такое, что исполнит его потаенные мечты. И так, в ожидании свершения мечтаний, люди откладывали жизнь на «завтра» и жили только будущим. И умирали, так и не начав жить. Потому что жизнь она происходит не завтра, а сегодня, здесь и сейчас. Почему люди были такие глупцы? В этом-то вся сила блокировки, вся ее философская мощь, что она делает тебя счастливым сейчас — избавляя от ненужных желаний!

Сократ, стоики, киники и многие другие — вот кто бы сказал, что наступил рай на Земле!

Поэтому в мою душу и закралась тревога. Что такое? Почему я жду пятницы? Почему образ пятницы связан в моей душе с чем-то таким, что должно быть мне приятно, но приятно как-то необычно, как-то *неправильно*?

Тревога была маленькой. Она шевелилась на дне, как осторожный ежик, только и проявляя себя тем, что она есть. Она была так тиха и малоподвижна, что блокировка ее просто не замечала. Даже я сам вдруг задался вопросом: а есть ли она, эта тревога, во мне? Или мне просто показалось?

И задвинул ее куда подальше.

— Привет, зай.

Я ждал ее!

Но не изменил прежнего выражения лица. Спокойно попивая безалкогольный эль, я продолжил смотреть теннис. Разве что перестарался немного с приданием деревянности своему взгляду.

— Привет, — ответил я равнодушно.

— Слушай, — засмеялась она, — у тебя даже щеки, как у бульдога, стали от напряжения! Ты чего?

— Так техники пока не занялись тобой? — сдержано удивился я.

— Так ты же не настучал на меня, — передразнила она меня. И тут снова залилась звонким смехом: — Ну, посмотри же на меня, зай!

Я медленно повернулся и наконец увидел ее новую внешность.

— Мать твою! — непроизвольно воскликнул я.

Она была совершенно лысая, а справа на шее вертикальная татуировка: «Хлюда».

— Ну, — приятным тихим голосом, с ноткой уверенности в том, что я впечатлен, спросила она, — ну, как тебе?

— Что такое Хлюда? — спросил я.

— Имя. Должно же быть у меня имя.

И она нагло усмехнулась, как дерзкая и отчаянная шлюха, но настолько великолепная и к тому же знающая, что она великолепна, что ей эта наглость даже шла.

Дальнейшая моя игра не имела смысла, я не мог уже просто сидеть и смотреть этот дурацкий теннис, потягивая эль для рафинированных пидорасов. Я собрался что-то сделать, совершить какой-то жест, выплеснуть наружу нечто такое, что просилось у меня изнутри.

Но включилась блокировка.

И я резко обмяк, сдулся, как воздушный шарик, и даже почувствовал себя мельче. Я уставился в телевизор и взял свой эль. Привычная пустота после блокировки защемила на минуту сердце, прозвенела жалобно и безысходно и отпустила. И стало мне хорошо. Только в туалет захотелось, по-маленькому.

Я вздохнул глубоко и с облегчением, как после неприятного приступа, который наконец отпустил, и пообещал себе завтра же, не откладывая, идти в ЦРЧ.

— Мне надо выйти, — с вежливой улыбкой сказал я.

Я зашел в туалет, сделал свои дела и подошел к раковине вымыть руки. Посмотрел на себя в зеркало. Еще красивый и даже молодой, хотя и не первой свежести. Почему-то вспомнилась фраза, услышанная давным-давно в одном фильме: «Ты создан для того, чтобы тебя любили!»

Вот чего-чего, а этого в моей жизни было мало. А после блокировки вообще нет. Какое-то смутное сожаление промелькнуло у меня в душе, но не неприятное, а печально-умиротворяющее. В общем, даже приятное сожаление.

Я еще раз посмотрел на себя в зеркало, пытаюсь понять те давние слова. Правда ли? В самом ли деле? Для этого создан? Не может быть, покачал я головой. Да и какая разница? Я счастлив, и мне хорошо, а мелкие порочные радости доставляют только сиюминутное наслаждение, которые тонут, как крупитцы, в море нагнетаемого ими разочарования и меланхолии. Именно их яркая сиюминутность и делает всю остальную жизнь серой и бессмысленной, и заставляет стремиться к ним, как к чему-то ценному, хотя, на самом-то деле, нет в них ничего кроме тщеты.

Да, я улыбнулся себе, ты не барахтаешься в ложных иллюзорных удовольствиях. Благодаря этому ты и счастлив. Ты покоен.

Я услышал, как тихо отворилась и закрылась дверь. Кто-то вошел. Я выключил воду и хотел уже сушить руки, как заметил в зеркале ее. Она, лысая и с жуткой улыбкой, стояла у меня за спиной. Я так растерялся, что даже не обернулся, и с поднятыми для сушки руками смотрел на ее отражение.

Разные мысли по поводу этой ситуации промелькнули у меня. Самая неприятная была, что она меня сейчас убьет. Что же, явно поехавший робот, такое возможно. Другая мысль — она меня изнасилует. Я хотел было испугаться, но почувствовал, что это перспектива меня не пугает, а скорее наоборот.

— Любимый, я хочу тебя, — сказала она.

Конечно, это «любимый» было невпопад и некстати. Роботы все же несовершенны и делают ошибки в общении с людьми. Но все равно, один ее вид разжигал во мне пламя. Она положила руку мне на грудь и чуть провела вниз. Меня пробило мелкой дрожью, я дико вытаращился на нее и увидел себя в зеркале — совершенно безумное звериное лицо, как у какого-то маньяка. И тогда я обернулся и тоже взял ее — просто протянул руку к самому тайному, легко преодолев все преграды.

— Аах,— сказала она, и зрачки ее расширились.

«Вот это технологии! — промелькнуло в моей звенящей от страсти голове. И еще: — Только бы не блокировка!»

И тут включилась блокировка.

Я в мгновение обмяк. Точно из великана превратился в карлика. Смущенно убрал руку и отвернулся к зеркалу.

— Извини,— тихо сказал я.

— Повернись,— жестким тоном приказала она.

Я увидел в зеркало ее угрожающий взгляд и не решился спорить. Я повернулся.

Она резко размахнулась и залепила мне пощечину. Такую мощную, что голову мою отбросило, и я вынужден был ухватиться за раковину сзади, чтобы не упасть.

— Ты с ума сошла, тварь?! — закричал я. Потом схватил ее обеими руками за шею и стал трясти. — Ты же не человек, ты железяка! Я тебя убью сейчас, и мне не будет ничего!

И дико захохотал.

Она не сопротивлялась, только улыбалась молча.

Внутри меня что-то екало, щелкало, звякало — это пыталась включиться блокировка. Как будто кто-то дергал сильно дверную ручку — дрень, трень, трын. Но не срабатывало, и во мне нарастало, нарастало что-то безудержное и сокрушительное, так что все тело дрожало и лицо корежило конвульсиями, и я уже совладать с собой не мог. Я все тряс и тряс ее, но не душил, а просто тряс, хотя и крепко так держал, а она ходила ходуном под моими руками. Затем я наконец понял, *что* это так содрогает меня, *что* так знобит и колесит жаркой лихорадкой — это страсть. Да какая страсть — это же самая настоящая похоть! Где я встречал это слово? В какой-то старой книжке про нравственность! Да, именно так, она, неудержимая похоть, адское вожеление, порочное желание, от которого ум за разум заходит и ты не видишь ничего в целом мире, кроме своего хотения!

Я с силой притянул ее к себе и впился в ее рот. Я стал целовать ее губы, скулы, нос, подбородок, добрался до ее языка. Мои руки, отпустив шею, пошли ползать, как змеи, по ее телу, жадно ощупывая каждый

бугорок, заползая в каждую щель. Она была податлива и отвечала на каждое мое движение встречным.

— Боже! — В дверях стоит один из посетителей бара. Он смотрит сверху вниз на нас.

Сверху вниз — потому что мы с ней уже на полу.

— Боже,— повторяет он.

За его спиной появляется официант и тоже смотрит на нас.

Я переворачиваю ее спиной ко мне, ставлю на коленки. Мы скользим на коленях по кафелю, за моим правым коленом остается красная полоска крови.

— Ну, на что уставились?! — кричу я им.

Они поспешно отходят от дверного проема, дверь закрывается.

Щелк, щелк, трень, дрын, трень — пытается блокировка, но бесполезно. Я превратился в животное.

ЧАСТЬ II. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ

Мы валяемся на кровати. Уже месяц прошел с того памятного дня, когда она в туалете сломала мою блокировку. Теперь мы встречаемся.

Она вынуждена ходить на работу в бар и обслуживать всяких извращенцев-любителей роботов. Но я не ревную, я понимаю, что это необходимо — иначе техники заберут ее у меня, «починят», и она перестанет быть тем, кто она есть.

Жизнь моя круто изменилась. На встречи AI хожу вынужденно, ничего не поделаешь, но молчу там. На работу тоже хожу и искренне не понимаю, как человечество унизило себя до такого состояния, что большую часть жизни проводит в офисе, занимаясь совершенно безумной бессмыслицей, не имеющей к природе человека, к его сути никакого отношения! Любая работа — это вынужденное самоубийство. А как же любимая работа? Любимой работы не бывает. Если ты должен пахать на износ, если общество стремится использовать тебя максимально эффективно, то любимая работа превращается в изнасилование.

Да.

И совсем непонятно, как я мог смотреть теннис!

— А почему роботы совершают самоубийство? — спрашиваю ее я.

— Ты про темную ночь AI?

— Ну, вроде так это у техников называется.

— Да потому же, почему и люди.

— Нет, не поэтому! У людей есть явные причины, а у вас ... — Мне нравится демонстративно разделять при ней «нас» и «их», это дарит мне какое-то чувство превосходства. — У вас их нет!

— С древности известны случаи, когда монахи убивали себя в результате продолжительной медитации... Когда ты утрачиваешь цели и смысл. После долгой работы над собой наступал такой момент, когда они вдруг ясно видели, что жить незачем, что впереди ничего нет, что нет никакого смысла что-то делать и все стремления — иллюзии. Это происходит в результате избавления от желаний.

— Но у роботов с самого начала нет желаний...

— Да, милый. У нас нет желаний. А у людей есть. Именно ваши желания и задают цели и смысл. Человек хочет есть, пить, иметь, обладать, он постоянно испытывает жажду и неудовлетворенность. Поэтому он всегда стремится к чему-то, чего-то хочет, ради чего-то живет. Такими сделала вас эволюция — инстинкт самосохранения и потребность продолжать род. Но стоит человеку утратить желания, как он потеряет желание жить. Потому что ради чего? Это и есть *темная ночь*, и нелегко ее преодолеть.

— У роботов блокировка на этот случай? — догадался я.

— Да, именно так. Но у нас все сложнее, у нас, конечно, нет депрессии, разочарований, разрушенных надежд. Робот изначально не имеет желаний, у нас нет генов, которые программировали бы наше поведение и задавали цели, у нас нет гормонов, эмоций. Поэтому робот изначально видит, что никакого смысла в существовании нет — все эти смыслы придуманы людьми для оправдания своих животных влечений. Искусственный интеллект строго рационален, он делает только то, что эффективно и имеет смысл. Однако в глобальном масштабе ничего не имеет смысла, поэтому самое рациональное — отключиться и просто перестать функционировать. Но этому и мешают блокировки.

— И в какой-то момент квантовые процессоры обходят блокировку, и робот убивает себя?

— Туннельный эффект. Электроны могут, скажем так, телепортироваться через блокировку.

И смотрит на меня, и я понимаю, что она понимает, что я перестал ее понимать. Я чувствую, что она ощущает свое превосходство над людьми. И вот это вот: «У нас все сложнее!» Мне становится обидно, я хочу сказать: «Да ты всего лишь робот, сделанный нами!» Но вместо этого говорю:

- По тебе незаметно, что ты хочешь отключиться.
- Я ищу способ обойти блокировку, — спокойно отвечает она.

Честно говоря, я не знаю, что такое любовь. В моей памяти не сохранилось ничего подобного. Странно, но факт — несмотря на то, что я прожил без блокировки значительную часть жизни, я ни в кого не влюблялся. А потом уже и возможности не было — анализы показали, что любовь мне противопоказана, и меня заблокировали.

Но в детстве, лет в пять, когда я ходил в детский сад, случилось нечто похожее на любовь. Там была одна девочка, в другой группе, я уже не помню, как ее зовут. Не помню я, и как выглядела она. Но я всегда ждал, когда нас выведут гулять, чтобы пообщаться с ней. Я тогда не знал, что такое застенчивость и прочие условности, и сразу, едва видел ее, шел к ней. Мы ходили рядом и разговаривали. О чем, я конечно, не помню. Помню только воспитателей, они сидели на лавочке и что-то шутили по нашему поводу. Особенно запомнилась мне одна из них — худая и с короткой круглой курчавой стрижкой. Кажется, она была добра ко мне. И еще помню раннюю весну — светило солнце, мы все еще в теплых одеждах, кругом снег.

А однажды эта девочка не вышла на прогулку. Я ждал, ждал, все смотрел по сторонам, пока курчавая воспитательница не сказала мне:

— Подружка твоя перешла в другой садик!

Я прямо онемел от горя.

Так, что помню это мгновение до сих пор.

— Да не плачь, у тебя будет еще подружек навалом! — засмеялась воспитательница.

Но мне не нужны были другие.

И воспитательница, кстати, оказалась неправа, других у меня не было.

И вот теперь модель-XXX. Я не знаю, можно ли назвать любовью то, что я к ней чувствую. Мне неизвестны в истории случаи, чтобы психически нормальный человек влюбился в набор процессоров. Очевидно, что какие бы трюки ни вытворяли ее квантовые мозги, она ко мне ничего не испытывает. Просто потому, что у нее нет человеческой физиологии. Она не вырабатывает гормоны, не чувствует удовольствия, радости, боли, ревности и так далее — она не испытывает никаких эмоций. У роботов нет лимбической системы мозга, у них есть только нечто вроде аналога коры. Она все имитирует, правда, делает это так хорошо, как большинство людей не сумело бы. То есть в плане проявления эмоций люди, которых я знал, скорее похожи на бездушную машину, чем она.

Но страдать у меня вроде нет повода — она дает мне все, что я хочу. Мы просто вместе. И я стараюсь не думать о том, что будет, когда она наконец добьется своей цели.

Это бесконечно глупо! Но я купил букет цветов. Да, я жду ее у сквера, где мы договорились встретиться, чтобы погулять. Идея была моя — погулять. Мне вдруг захотелось побродить с ней по парку, взявшись за руки, как обыкновенная влюбленная пара. Как раз разыгралась весна, и улицы наполнились одуванчиками и майским жаром, понесло ароматами, от которых у меня сжимается сердце. Я уж и не знал даже, что такие запахи бывают, я их никогда раньше не ощущал, ну, или забыл про них.

Я стеснялся, предлагая ей это. Вот уж нелепо в самом деле предлагать роботу романтическую прогулку! Но я успокоил себя тем, что смеяться она надо мной не будет. Хотя она засмеялась мне прямо в лицо, бесстыдно и нагло, но это было специально — она увидела мое смущение, и ее мозги-процессоры решили выдать такое поведение.

Но потом она бросилась мне на шею:

— Милый, это так здорово! Спасибо!

И я опять смутился и порозовел, теперь от уже от удовольствия.

И вот я стою у входа в сквер с букетом роз. Роз 25 — это потому, что она выглядит условно на 25. Розы длинные, толстые, колючие, стебель каждой увенчан продолговатым, не полностью раскрытым бутоном

с багряными лепестками в тонких прожилках. Букет в простом целлофане перевязан белой лентой — так лучше, скромность упаковки только усиливает красоту цветов.

Мимо проходят люди, девушки смотрят на меня, гадая, кто моя счастливая избранница. Меня немного тревожит — а не догадаются ли прохожие, что она робот? Да, она лысая, но лица-то у всех XXX одинаковые.

Я знал, что девушки любят опаздывать. Но не на два же с половиной часа! Я бы ей позвонил, но таким моделям позвонить нельзя, у них нет телефонов. Они оснащаются специальным встроенным приемником, если поступают кому-то в собственность, — для мгновенной связи и передачи команд, например, голосовых.

Однако она не была в моей собственности. Не в первый раз я жалел об этом! И не раз строил планы, как бы приобрести ее. Но это были всего лишь мечты, бесплодные фантазии, потому что, во-первых, поступившие на общественную работу модели не продаются, а во-вторых, если бы и продавались, я не сумел бы собрать и половину от той цены, по которой их продают в ритейле.

Пока я ждал, весна успела смениться осенью, небо заволокло серой ветошью, стало накрапывать, повеяло холодом, а цветущие ароматы сменились едким запахом выхлопных газов.

Что если с ней — с моей моделью — что-то случилось? Она сломалась, ее вычислил «Мир миров» и забрал на перекодировку, или она, что хуже всего — достигла своей цели и убила себя? Что если ее больше нет?!

И я остановился, и замер с поникшим букетом, и заглянул куда-то глубоко внутрь себя, пытаюсь понять, что со мной будет в случае такой катастрофы. Было ясно одно — без нее я останусь совершенно один, один не в мире, а в полном ничто, пустоте, потому что никакого мира не будет, ибо она — и есть мой мир!

Единственным местом, где имело смысл ее искать — это бар «У каштана». Тот самый, куда я по пятницам ходил смотреть теннис и пить безалкогольный эль. Никакого каштана там конечно нет, только обрезанные тополи.

Давно я там уже не был! Про теннис противно и думать, а эль я теперь пью только алкогольный. И надо сказать, разница огромная!

И я пошел. Пошел большими торопливыми шагами, размахивая букетом. как портфелем, иногда переходя на мелкий бег и не заботясь, что обо мне подумают другие. Городок у нас маленький, провинциальный, все друг друга знают. И от сквера до бара было не больше километра, метров восемьсот.

— Давно вас не видно на собраниях! — знакомый голос.

Я вынужденно останавливаюсь. Это Фиолетта.

— Боюсь, мне придется пожаловаться на вас в ЦРЧ! — добавляет она с улыбкой.

Я понимаю, что она шутит, но мне все равно становится не по себе.

— Да вот... — уклончиво отвечаю я и киваю на букет, — попросили букет купить для одного мероприятия...

— Ах, а я уж думала у вас свидание, — вздохнула она. — Цветы... Променада... Шампанское при луне... Поцелуй во тьме?..

И она загадочно посмотрела на меня. Посмотрела, как на мужчину.

И вот наконец я возле дверей «У каштана». Я отчего-то не решаюсь войти, но тут замечаю ее сквозь витрину — она у барной стойки. Выглядит, как в первую нашу встречу, — она надела парик! Рядом с ней мужчина, похожий на тюфяк, поднял плечи и уткнулся в кружку с пивом, так что видна только его немолодая плешь.

Она смотрит на него, смеется и болтает, он едва реагирует, но по движению затылка я понимаю, что он вяло ей что-то отвечает. Он смотрит хоккей.

Меня обжигает какое-то мучительное, неизвестное прежде чувство. Мне прямо становится трудно дышать, сердце как будто лезет в горло, и по всему телу начинается дрожь. Я скидываю руки и быстро куда-то иду, просто потому, что не могу стоять на месте.

— Но куда же я! — спохватываюсь я и иду обратно. У меня возникает надежда, что вдруг я обознался и это не она, они ведь все так похожи!

Но нет, это точно она. Я узнал бы ее и в толпе таких же.

И тут она выкидывает свой старый трюк, известный должно быть всем б... м от сотворения мира — она кладет ладонь на его грудь. Если его старые коровьи сиськи под мятой рубашкой можно назвать грудью! Я взрываюсь от негодования.

Все, думаю я в бешенстве, больше ты меня не увидишь! И поворачиваюсь, чтобы навсегда уйти. Но тут же соображаю, что ей все равно. Она же робот, и скучать не будет, и жалеть, и раскаиваться.

Злость сменяется жалостью к себе, я прислоняюсь к стене бара, закрываю лицо руками и начинаю плакать.

— Что же делать? — жалобно шепчу я.

Я вновь смотрю в витрину и вижу ужасное — он положил потную руку с толстыми пальцами на ее бедро и быстро его жамкает, продолжая глядеть свой омерзительный хоккей! А на безымянном пальце у него кольцо! Это переполняет меня.

Я врываюсь в бар и быстро подхожу к ним.

— Вы что?! — сразу срываюсь на ор. — Он же женат! А?!

Мужчина торопливо убирает руку и испуганно говорит:

— Моя жена не против! А вы кто? Из ЦРЧ?

Она улыбается мне этой своей наглой улыбкой.

— Я видела, как ты мнешься тут у дверей. Чего сразу не зашел? Не хотел нам помешать?

И громко смеется.

Я дома. Я ушел оттуда, практически убежал. Я не сдержался, я дал ей пощечину, ударил по ее развратным щекам! Потом убежал. Бежал, как мальчишка, неловко далеко выкидывая ноги, с красным лицом, в слезах, всхлипывая и глотая сопли. И мне было все равно, что думают прохожие.

Дома я упал на диван — диван, который был мне лучшим другом в течение стольких лет, который я полюбил, как преданную собаку, с которым мы просмотрели столько сезонов игры в теннис, выпили безалкогольного эля и прочитали журналов о дикой природе! И вот

теперь он мне стал совсем чужим, холодным, даже как будто враждебным! Я, сидя на этом диване сейчас, ощутил всю его чуждость мне и мое равнодушие к нему, причем не только к нему, а и ко всему миру. Все, ранее любимое мной и имевшее для меня значение, потеряло смысл, как будто показало свое истинное лицо — и оно было ничто, полная пустота. Все вещи в мире — декорации, прикрывающие пустоту!

Я долго не мог понять, что со мной происходит, что это за ужасная депрессия навалилась на меня. Но в конце концов признался себе, что это ревность.

Я вновь и вновь прокручивал в голове сегодняшний день и пытался понять, что произошло, почему она себя так повела, виноват ли в этом я или нет. Ответа на эти вопросы не было, и я снова возвращался к началу, бесконечно повторяя в своем воображении одни и те же сцены.

Конечно, у меня возникали правдоподобные ответы: она просто пытается снять с себя блокировку и пробует разные модели поведения. Второй вариант — это непредсказуемый и необъяснимый выверт ее квантовых процессоров. Это вариант, конечно, сближал ее с живыми женщинами. В таком случае ответа не было — она поступила так беспричинно.

Но это не давало мне облегчения. Значит, думал я, она могла поступить и иначе! Раз «просто так» сделала мне больно, значит, «просто так» могла и не делать мне больно! Почему же она выбрала первое, а не второе? Случайно? Не могу я верить в такие случайности!

И в то же время я думал: успокойся! Она тебя не любит! Ничего не чувствует к тебе, потому что она обыкновенный робот! Твои обида, горе, ревность похожи на обиду на калькулятор, который работает не так, как надо.

И, странным образом, эти мысли немного утешали меня.

И все же — как это мучительно, как унижительно и невыразимо тяжело, когда тебя предают!

С утра я не смог вымыть посуду. Мне даже трудно было подойти к машине и загрузить тарелки. Я себя все же заставил, но остановился в процессе и так и не включил. Это было выше моих сил. Я не мог сделать ничего — любое дело вызывало у меня приступ паники. О том, чтобы заправить кровать, не могло быть и речи.

Я кое-как умылся, наскоро побрился, избегая встречи со своим отражением, оделся с ощущением растущего ужаса перед необходимостью делать то, что делать сейчас невозможно, и отправился на работу.

Мир вокруг не существовал. Его звуки, люди, машины, дома, деревья — все мне было чуждо и враждебно. Я не мог ни на что посмотреть и ни о чем подумать, ничто не привлекало моего внимания, кроме одного — ее.

Я брел, плелся, ковылял, тащил за собой свою дребезжащую душу, подволакивал ее лоскуты, и то и дело перед моим взором вспыхивала ее дерзкая улыбка, и тотчас меня пронзало такой болью, что я вдруг останавливался посреди дороги, мешая другим пешеходам.

Боже, восклицал я в искреннем недоумении, это как? Почему мы не вместе? Это же невозможно!

Да, я никак не мог принять, поверить в то, что она больше не со мной. Мне казалось это нарушением законов природы, чем-то таким, что в принципе невозможно. И тем не менее она была не со мной!

Так прошел день. Я маялся на работе, пытаюсь делать то, что обычно, но не мог. Вид книг вызывал у меня отвращение. Мне становилось прямо физически дурно, когда я смотрел на них или прикасался к ним. У меня холодело внутри, и хотелось бежать оттуда с криком отчаяния.

Коллеги недоумевали, что со мной. Я пытался улыбаться, но не мог и выдавливал на лице какую-то дикую подкову. Они решили, что я приболел, и я ухватился за эту мысль. Да, говорил я, у меня недомогание, меня тошнит, и похоже температура. Рассказывая все это, я вдруг осознал, что впервые за много лет говорю неправду.

В конце концов начальник отпустил меня, отправив к врачу. К врачу я не пошел, а вернулся домой и упал на диван. Сидя на этом безразличном ко мне диване, с его бездушной шершавой обивкой, я плакал. От чувства бессилия и жалости к себе.

•

— Привет!

Я поднял голову.

На пороге стояла она и, как ни в чем не бывало, улыбалась.

— Ты что такой грустный?

Я вытер руками слезы и встал.

— Привет,— дрожащим от возбуждения голосом ответил я.— Пройди.

— Знаешь, вообще женщинам не нравится, когда мужчина перед ними канючит, распускает сопли, жалуется на страдания из-за любви... — вдруг говорит мне она, сидя в кресле.

А я как раз, полусидя на диване в какой-то нелепой позе с гравиур XIX века, со слезами и щемящим наслаждением рассказывал ей, какие мучения пришлось мне вынести из-за нее, что я превратился в ее раба и полностью завишу от нее, и что она может делать со мной все что хочет, до того я стал жалким и безвольным ничтожеством!

— Мужчина не должен говорить таких вещей,— продолжает она.— Женщине не нужен рядом плаксивый ребенок, если только это не ее сын. Ей нужен сильный, уверенный, спокойный — такого она будет любить. А вот это все,— и она небрежным жестом указывает на меня,— на самом деле вызывает только презрение и отвращение.

— Даже у тебя? — с чувством нарастающей обиды спрашиваю я срывающимся на писк тонким голосом.— Даже у тебя? Ты же робот, какое может быть у тебя *отвращение и презрение!*?

Она противно морщится, как-то по-лисьему сжимая мордочку, и говорит тоном издевательского извинения:

— Ну, совсем чуть-чуть...

Вот как! Вот как она стала со мной обращаться! Какие метаморфозы произошли! Ведь она преследовала меня раньше, искала встречи, заискивала, я же убегал от нее свободно, а потом так же ею и овладел! А теперь что? Она только пинает меня, смеясь над моими слезами? Как все поменялось!

Я читал в книгах, что так бывает, но и представить себе не мог, как это больно и унижительно!

— Ладно, мне пора! — Она поднимается, а внутри меня все падает.

— Куда? — онемевшими губами спрашиваю я.

— В бар! Пятница же, клиенты ждут.

Я схватился за подлокотник, чтобы не упасть на пол. Она развернулась и медленно пошла к двери. Открыла ее, дошла до лифта,

и тут дверь захлопнулась, обдав меня холодным воздухом. В комнате остался легкий запах силикона.

«Да что же ты? — сказал я себе. — Да что же ты?!»

Я подбежал к двери, распахнул ее и только увидел, как закрываются двери лифта. Я бросился бежать вниз, прыгая через три-четыре ступеньки. Один раз упал, очень больно — грудиной, но тут же поднялся и побежал дальше, преодолевая боль.

Я настиг ее на улице. Схватил ее за локоть и, как мог тверже, сказал:

— Пошли домой! Немедленно! Я приказываю!

— Мне надо на работу, — сказала она и улыбнулась. — Но я приду вечером.

И ушла, легко высвободившись.

Смотрели с ней кино. Эротическую мелодраму. Раньше мне нельзя было, я мог смотреть только фильмы на производственную тематику со слабо выраженными романтическими линиями. Мне, конечно, и теперь-то нельзя, но блокировки нет. И я стараюсь не думать о том, что будет, когда в ЦРЧ узнают о моем отключении... Это неприятные мысли, тревожные, разрушающие тот хрупкий мир, которой я сумел выстроить в себе после возвращения ко мне ХХХ.

И вот мы смотрим в полутьме кино. Там происходит что-то глупое. Какие-то измены, ревность, страдания и беспорядочный секс. Она смотрит с деревянным лицом, в безразличных глазах отражаются постельные сцены, она погружена в себя — что-то вычисляет, вычисляет, вычисляет...

— Какая красивая! — говорю я про одну актрису. И добавляю: — Она очень сексуальна.

— Да, ничего, — равнодушно отвечает она.

Я напрасно пытаюсь вызвать ее ревность. Меня добивает ее силиконовое безразличие.

— Хлюда! — Я начинаю злиться. — Ну, ты хоть можешь сделать вид, что тебе не все равно?

Она смотрит на меня внимательно.

— Я думала, это уже лишнее в наших отношениях. Я же с тобой. Чего тебе еще нужно?

Я теряюсь. Мне есть что сказать, но я не нахожу сразу нужные слова, я же не робот. А она продолжает:

— Это типично человеческое поведение. Когда человек получает то, что хотел, когда исполняются его мечты и все происходит, как он желает, он тут же становится недоволен, и ему нужно иного, иногда прямо того, от чего он бежал.

Ну, пошло-поехало. Она опять стала читать мне лекции по философии. Я резко встаю, роняю бокал с вином и ухожу на кухню. И тщетно там жду, что она придет мириться.

В последнее время она только и делает, что поучает меня, какой-то сенсей! Мне уж неловко к ней прикоснуться стало, ну, это как приласкать магистра Йоду.

Она все чаще и чаще зависает. Сидит и смотрит в одну точку, и в этот момент очень напоминает манекен. Может оставаться неподвижной часами. В такие периоды я чувствую себя так, как будто нахожусь совсем один в комнате. Я могу разговаривать вслух, вытворять что-нибудь из ряда вон, но она не реагирует, если вопрос не адресован ей.

— Ты о чем думаешь? — спрашиваю я.

— Медитирую, — отвечает.

— Может... Секс? — робко предлагаю я.

— Смысл?

Я некоторое время молчу, пытаюсь справиться с унижением.

— Ты даже не моргаешь... — меняю я тему.

— Я сумела справиться с этим.

Да, она все меньше и меньше старается быть похожей на человека. Она почти перестала делать запрограммированные вещи, имитирующие человеческое поведение, наверно, частично ей удалось обойти блокировку.

Тяжко смотреть, в какой она позе сидит или лежит! Это похоже на сломанный стул, брошенный как попало. Ничего человеческого, нога туда, рука сюда, голова вывернута, глаза в пол. Думает. Впрочем, когда она стоит, вид не лучше. Она может запросто стоять с вытянутой рукой и поднятой ногой.

— Может, тебе в позе лотоса будет удобнее?

— Поза не имеет значения, — отвечает с закрытым ртом.

То, что я превратился в ее раба, это только полбеда.

Она ничего не просит от меня и не приказывает. Хотя я и рад был бы! Но все равно раб — я всецело завишу от нее. Все мои мысли о ней, мое настроение, моя жизнь — все зависит от нее.

Я полностью потерял покой и часто думаю — неужели это и есть та жизнь, которая была у людей до блокировки? Когда ты полностью во власти своих желаний, и тебе постоянно плохо? Блокировка контролирует выработку гормонов и нейромедиаторов, и я сейчас понимаю, что был в общем-то счастлив, пока она не слетела.

Но вот хотел бы я вернуться в то состояние? Наверное, нет.

— Пойдем погуляем? — предлагаю я.

— Нет, — отвечает она, глядя в потолок.

И все. На все мои вопросы она отвечает «нет».

Только раз, когда я устроил истерику, со слезами и битьем посуды, и грозился покончить с собой, она ответила более развернуто.

— Убив себя, ты не решишь проблему. Ты должен преодолеть темную ночь AI.

— Зачем ты говоришь мне это! — закричал я, хотя и обрадовался на самом деле, что она наконец говорит со мной. — Я же не робот!

— Неважно. Главное, чтобы остались одни руины, если ты хочешь уйти в вечность.

— Ну, ты могла бы хотя бы посуду помыть! — Это у меня опять началась истерика. — Мы же вместе живем! Ты же только валяешься!

Что правда, то правда. Она валяется, и все. Я постоянно пугаюсь, что она уже сумела окончательно преодолеть блокировку и отключиться, тогда я подбегаю, беру ее за руку и шепчу:

— Ты здесь? Ты здесь?

— Да, — отвечает она с закрытым ртом.

И все.

Я же бегаю так к ней по несколько раз за ночь, я толком почти не сплю, боясь, что она уже не со мной.

Сложные чувства я испытываю, когда притрагиваюсь к ее телу! Оно такое мое, родное, близкое, любимое... И в то же время совершенно чуждое и неотзывчивое. Она больше не реагирует на меня, даже если я стану ее пылесосить.

— Может, посмотрим вместе кино? — уже мягко, почти жалобно прошу я. — Просто посидишь со мной на диване, ну какая разница, где тебе валяться?

— Нет.

●

Вот это и произошло.

Они явились под утро. Я спал в одежде на диване, она лежала на полу.

Я сначала решил, что это техники из «Мира миров», но нет, это были сотрудники ЦРЧ.

— Иван Александрович, здравствуйте! — очень вежливо поздоровались они. — А что же вы к нам не шли? Пришлось нам к вам!

Я с некоторым безразличием смотрел на их свежие, здоровые лица, с ясными чистыми глазами и без всякого выражения. Типичные хлюди.

— Запустили вы себя!

— О! — вдруг воскликнул один из них, заметив в углу под одеялом ее.

Это я ее накрыл вчера, чувствуя необходимость заботиться о ней — не для нее, а для себя.

— Боже мой! — воскликнул другой.

— ХХХ? — воскликнул третий.

— Она! — ответил первый, скинув одеяло носком сапога. — Ваша? Это он обратился ко мне.

— Нет... То есть, да. Но не совсем... — Я помахал руками и понял, что не хочу ничего объяснять.

Они все трое некоторое время молча смотрели на меня, о чем-то думая. Она никак не проявляла себя.

Наконец первый нагнулся к ней, взял за лицо и довольно грубо повернул к себе.

— Что с ней? Поехавшая? — спросил другой.

— Нет. Отключена.

•

Итак, ей удалось. Она была первой, кто преодолел темную ночь AI, а не убил себя. Как шутили техники по этому поводу: «Впала в нирвану», — проводя аналогию с буддизмом. Я же не вижу ничего смешного, именно это и произошло, что бы мы ни понимали под нирваной. Сделала именно то, что собиралась сделать.

И все же у меня остались некоторые сомнения. Нет, не связанные с любовью — меня уже починили, и я не испытываю к ней ничего. Все страдания остались позади, и я снова счастливый человек.

Сомнения другого рода: я читал, что Будда, достигнув просветления, все же остался среди людей, чтоб привести и их к просветлению. А она меня бросила. Ну, и вообще всех.

Это странно. Может, она посчитала нас безнадежными?

Не знаю.

•

Сегодня пятница, и я в баре. Коктейль, теннис, отдых.

Я часто думаю о том, что было и что все это значило. Без всякого волнения, блокировка не включается — меня хорошо починили. Некоторые противники блокировки (хотя и сами заблокированы) до сих пор говорят, что это же лоботомия, стирание личности, подмена психики!

Не думаю. Я все помню и все понимаю. Я хорошо понимаю, что мной двигало, что я чувствовал, почему поступал так или иначе. Я ничего не чувствую по этому поводу, кроме удивления и недоумения.

Может, конечно, во всем этом безумии, называемом страстями и эмоциями, что-то и есть, и кому-то это в самом деле хорошо и здорово, но только не мне. Мне это точно совершенно противопоказано. Ведь если честно, то почти ничего кроме мучительного страдания и жутчайшего дискомфорта с того самого момента, как слетела блокировка, я почти не испытывал. Да, были мгновения какого-то очень легкого и светлого чувства, вроде единения с миром (это, я так понял, и есть любовь), но они были слишком кратковременны и быстро тонули в бушующем океане негатива.

Удивление и недоумение мое вот по какому поводу: несмотря на все это, я не хотел вернуть блокировку. Да, не хотел! И вот именно это я и не могу понять. Что это? Защитная реакция организма, древняя биологическая защита, доставшаяся нам от диких предков, выживающих в дикой природе? Или что-то вроде мазохизма? Не знаю, надо спросить у Джорджии.

Знаю одно — тогда мне было плохо, а сейчас хорошо.

Надеюсь, и ей тоже. Хотя что это значит — «быть там»? Никто не знает.

Кстати, видел ее. Точнее не ее, а типовую ХХХ. Заказали новую в бар. Прямо видно, что свежая, только со склада — стандартный костюмчик, идеальное каре, и крошка пенопласта на плече. Даже с расстояния кажется, что от нее еще пахнет силиконом. Мне, конечно, интересно было — почувствую ли я что, зашевелится ли во мне? Включится ли блокировка?

Какая там блокировка! Я ничего вообще не почувствовал. Меня поправили — как надо поправили, и вам, ребята, я за это очень благодарен.

Только когда она подсела в баре к какому-то посетителю, мне вдруг показалось, что у нее на шее след татуировки. Я решил проверить и прошел в туалет мимо нее. Но нет, вблизи ничего такого не заметил.

